

Похороны Душенова

Пять дней тому назад Душенов был с нами золотом. Вечером, когда привели с работы, схватился за сердце и повалился на истоптанный снег.

Мы отнесли Душенова в лазарет, а сегодня утром пришел санитар и сказал:

— Дядя Яша послал до вас, идите к нему.

— Зачем? — спросил Гендаль.

— Красный адмирал умер, — ответил санитар.

Мы соскочили с яри и стали одеваться. Когда выходили из барака, встретили дневального Купцова. Он шел от нарядчика с радостным сообщением:

— Развода не будет. Конвой отказался. Мороз!

На улице лютая стужа склеивала веки.

— Градусов сорок пять, — сказал Голубев.

— Больше. На пятьдесят потянет, — ответил Гендаль. — Конвой КЗОТ знает.

Врач дядя Яша провел нас в комнату с потолком из жердей. В углах белела изморозь и пахло карболой. Посреди на топчане, в одном белье, лежал Душенов. Лицо его было желтым, и седые короткие волосы стояли торчком. Как осиротевшая семья, мы сгрудились около топчана и сняли шапки.

— Отбыл правосудие, — прошептал Голубев.

— Гроб надо сделать, — проговорил Гендаль.

Дядя Яша покачал головой.

— Из чего гроб? Из жердей? Начальник приказал сегодня похоронить, уже конвой заказали... Сходите к Былкову, может, даст во что завернуть...

К Былкову сходил Голубев. Он принес дырявый чехол от матраса, который мы наткнули на Душенова. Потом вынесли покойного из лазарета и положили на сани.

Оглобли были связаны веревкой. Голубев накинул ее себе на шею, а Гендаль и я стали подталкивать сзади. Когда тронулись, санитар хрикнул:

— Скорей возвращайтесь!.. Сани нужны — дрожа возить...

За вахтой ждал конвой с автоматом. Он топтался около костра и, пересчитав нас, проговорил:

— Трое живых, один мертвый. Давай вперед!

На сани положили две лопаты, топор и лом. Полозья заскрипели по слежавшемуся снегу. Мы шли ходко, подымая белую пыль. Из-за фиолетового хребта выглянуло солнце, налитое красным, готовое, казалось, вот-вот лопнуть, и туманная муть вдали порозовела.

Всю скорбную дорогу мы молчали, только конвой чуть слышно напевал что-то.

Около старых шурфов он остановился и крикнул:

— Стой! Псаавчера здесь хоронили, тут дрова есть...

Мы развели два костра: один для конвоя, другой в заброшенном шурфе. Грунт был песчаный, он оттаял, и мы лопатами сгребали его в кучу.

— Пожалуй, хватит, — сказал Гендаль.

— Хватит так хватит, — проговорил Голубев и подошел к саним. Мы пододвинули их к шурфу и, сняв шапки, положили Душенова на последнюю постель.

Гендаль выпрямился и, глядя вперед, сказал:

— Товарищи коммунисты! Мы сегодня хороним своего друга, старого большевика — матроса с «Авроры», командующего флотилией. Он погиб на посту, не выпустив из рук знамени Ленина. Своим заветным он считал испытанием и говорил: «Время работает на нас, никто не умертвит ленинизм». Он с верой жил, с верой и умер...

Гендаль говорил дрожащим голосом, а когда закончил, запел «Интернационал». Мы невольно пристроились к нему...

Конвой слушал нас и, когда мы перестали петь, спросил:

— Старый большевик, говорите?

— Его звал Владимир Ильич, — ответил Гендаль.

Конвой поднял автомат, и тишину разорвала короткая очередь. — Таких людей с салютом хоронят, — сказал конвой, опуская автомат.

Мы надели шапки и стали закапывать Душенова. Маленький песчаный холмик вырос на месте старого шурфа. Песок был горячий и парил.

Немного погодя мы поехали обратно, таща пустые сани. На вахте дежурный спросил у конвоя:

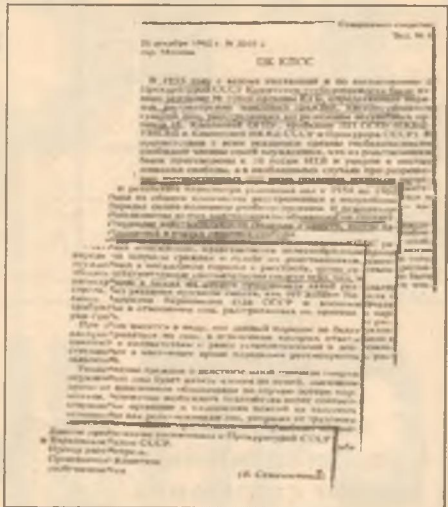
— Чего стрелял?

— Волк показался, — ответил конвой. — Я бы сейчас всех волков перестрелял...

Нас впустили в зону, и мы пошли в свой барак; сани бросили под окном лазарета.

что рукопись, прежде чем попасть на страницы журнала, да еще столичного, оставляет следы: отзывы других писателей и членов редколлегии, заявку и договор на публикацию, переписку с автором, наконец, ведомость или перевод на получение гонорара. Но ничего я этого не нашел...

И тогда окончательно понял, что это была заведомо ложная публикация. А когда попал в руки еще один документ, относящийся уже не к одному Душенову, а к тысячам, может быть, миллионам, разделившим его судьбу, все стало на свои ме-

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФАЛЬШИВКИ

Станислав ДАЩИНСКИЙ, кандидат исторических наук

годах, его немалая личная заслуга. О нем много писали газеты, журналы в конце 30-х годов, особенно в связи с выборами в Верховный Совет СССР, депутатом которого он был избран.

Но вскоре и сюда, где кончается земля, дотянулись длинные руки Ежова. И в наших неприступных скалах окопались «враги народа». Душенова из-за значимости его должности и личной популярности не рискнули брать на флоте и даже в Мурманске, а сняли с поезда. Произошло это в июне 1938 года.

С тех пор человек как в воду канул. Даже реабилитация Душенова в 1956 году немногое проявила в его трагической и загадочной судьбе. Правда, доходили отголоски сведений о том, что в тюрьме Константин Иванович вел себя достойно.

Конечно, публикация «Колымских записей» Георгия Шелеста, куда входила и глава «Похороны Душенова», не могла не привлечь внимания. Тем более в сочетании с предыдущей зарисовкой на страницах 164-169 — «Колымские самородки». Там говорилось, что в одном звене заключенных на Колыме промывали золото Ефим Голубев, Самуил Гендаль, Константин Душенов и сам автор «Колымских записей», комбриг ВЧК-ОГПУ Георгий Шелест. Что они нашли крупный самородок. Его можно было при-

прятать, продать и заметно улучшить свою лагерную жизнь. Но они, патриоты, не сделали этого — шла война, страна напрягалась, гитлеровцев только что отбросили от Москвы, но они были еще в центре России. Определенно было сказано в «самородке», что шел 1942 год. (Этот эпизод кем-то из наших кинодеятелей вставлен был в художественный фильм, где герои действовали, в том числе и Душенов, под своими именами.)

Я прочитал впервые «Колымские записи», когда Мурманское книжное издательство поручило мне написать документальный очерк о Душенове для очередной книги из серии «Не просто имя...». Собирая материалы об этом человеке, я, естественно, наткнулся и на давнюю журнальную публикацию. О жизни и деятельности Душенова я нашел многое в архивах, в подшивках газет тридцатых годов, многое подсказал сын адмирала Юрий Константинович. А вот гибель Душенова, за неимением других данных, я пересказал по Георгию Шелесту. Но произошло что-то невообразимое. Я не сомневался в правдивости публикации — такая мысль даже не закрадывалась. Но сработало что-то в подсознании и не давало возможности поставить последнюю точку в очерке.

И тут я понял — что. На каждый существенный факт у меня имелись документы. Смерть же Душенова на Колыме (и именно в 1942 году) ничем подтвердить не мог.

Время уже текло иное, многое из закрытого приотворялось, и такой документ я получил. Тогдашний председатель Военной коллегии Верховного суда СССР генерал-лейтенант юстиции Г. Бушуев сообщил: «Душенов Константин Иванович... был необоснованно осужден 3 февраля 1940 года по ложному обвинению в совершении нескольких государственных преступлений и приговорен к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 4 февраля 1940 года».

Фирменный бланк, подпись...

Вот это да!..

Может, ошибка? Я написал лично Г. Бушуеву. Он с обидой ответил, что здесь все выверено скрупулезно.

Возможно, за Константина Ивановича приняли на Колыме подневольные золотодобытчики его старшего брата Николая Ивановича, который в конце тридцатых годов работал в Магадане начальником Мортрана и был осужден там к восьми годам заключения — на четыре месяца раньше, чем арестован Константин Иванович? Но, во-первых, хотя в зарисовке «Похороны Душенова» имя, отчество Константина

Ивановича ни разу не упоминаются, прямо говорится, что он матрос с «Авроры», красный адмирал. Во-вторых, Николай Иванович, отсидев восемь отмеренных ему лет от звонка до звонка, 14 февраля 1946 года был выпущен за ворота тюрьмы на 72-м километре Колымской трассы.

Навязчивым было желание немедленно встретиться с самим автором и все выяснить. Торопливо листаю адресную книгу советских писателей. Среди тысяч имен есть один Шелест, но — Игорь Иванович, живет в подмосковном городе Жуковском. Выясняется, что он никакого отношения не имел ни к Колыме, ни к Душенову.

Бросился в журнал «Знамя». Архивы за те годы из редакции уже увезли, и никто из сотрудников автора «Колымских записей» не помнил.

Разыскиваю одного из последних редакторов журнала писателя Григория Яковлевича Бакланова. Многие помнят его повесть «Мертвые сраму не имут» и «Навеки — девятнадцатилетние». Бакланов пришел в «Знамя» позднее описываемых событий, в 1986 году, и разговора об этой публикации, по его заверению, не слышал, автора тоже не знает. Но заинтересовался моим поиском, старался помочь.

Комбриг, да еще ВЧК — не иголка же в стоге сена. Не мог он затеряться. И я письменно-официально обращаюсь в Федеральную службу контрразведки (так тогда КГБ стало называться). Получаю ответ, которого уже, собственно, ждал. Чтобы не цитировать, опять привожу в факсимильном варианте.

Ясно: автор «Колымских записей» выдуманный. Надо идти дальше.

От Бакланова узнал, что архивы из журнала «Знамя» поступали в хранилище документов издательства «Пресса» (бывшее издательство «Правда»). Еще теплится надежда отыскать какие-то следы, потому

ста.

Вот этот документ тоже в факсимильном исполнении, но я перескажу его содержание.

Когда в 1954 году прокатилась первая, еще слабая волна реабилитации несправедливо репрессированных в тридцатые годы людей, в тысячах семей получили справки, что их родные и близкие были приговорены к 10 годам лишения свободы и в лагерях их сразил недуг. Особенно часто сводили в могилу узников простуда, сердечные и желудочные заболевания. Многие родственники догадывались, что это «липа». Но они не могли даже предположить, что осужденные отправлялись на расстрел в день суда или на следующий, даже приговоренные к 10 годам лагерей...

Указание изготовлять фальшивые справки было дано КГБ сверху. Кем? ЦК КПСС? Правительством? Или обеими этими правящими структурами вместе? В документах мы находим туманный ответ: «Компетентными органами».

Массовая фальсификация продолжалась долго, пока тогдашний председатель КГБ В. Семичастный не забил тревогу. Он писал в ЦК КПСС 26 декабря 1962 года, что выдача фальшивых свидетельств о смерти ставит органы КГБ в сложное положение. Стране и миру уже хорошо известно, какая судьба на самом деле постигла наших соотечественников в 1937-1938 годах. В Семичастный просил наших вождей отменить распоряжение, чтобы можно было выдавать справки о подлинных причинах и точных датах смерти узников ежовско-бериевских лагерей.

Такой же глумливый листок был вклеен и в судебно-следственное дело К. И. Душенова. А поскольку он был человеком более чем видным, кому-то показалось, что одной фальшивки мало, и изготовили в подкрепление первой еще одну — литературную...

Справедливости ради надо заметить, что автор журнальной публикации не без таланта. В сюжетах, образном стиле языка, описании природы чувствуется рука профессионала, наблюдательного человека. «Колымские записи» готовил по заказу кто-то из нашего литературного цеха. Посмотреть ему в бесстыжие глаза уже, конечно, невозможно (только что, 10 августа, мы отметили 100 лет со дня рождения Душенова, и писаке этому, наверное, столько же).

Но упомянуть принародно его имя мне доставило бы большое удовольствие.